Жертвенный подвиг сибирской деревни
в годы Великой Отечественной войны

Огромную, не до конца ещё оценённую лепту в достижение Победы внесло обездоленное, горемычное сибирское село.

К сожалению, в годы войны сельское хозяйство Новосибирской области пришло в сильный упадок. На подрыв производительных сил деревни сказалась широкая воинская и трудовая мобилизация, отсутствие техники, климатические осложнения.

Деревня лишилась трудоспособных мужчин, ушедших в армию, а также значительной и лучшей части тракторного и автомобильного парка, лошадей. Главное место на селе заняли женщины. В числе трудоспособных колхозников их доля составляла 81,8%. Пахота и сев, уборка урожая, уход за скотом, заготовка кормов и многое другое, помимо заботы о семье, легли на плечи женщин. «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик», - популярная частушка тех лет метко характеризовала положение женщин на селе в военную пору.

Кроме того, пригородные колхозы и совхозы лишились главного средства производства – земли, которую большими площадями передавали под подсобные хозяйства промышленным предприятиям. А план сдачи сельхоззаготовок не только остался, но ещё и вырос.

Конечно, областные власти чем могли, помогали. На руководящую работу в деревню было выдвинуто более тысячи членов партии, из них более половины из городов. Осенью 1941 года на уборку урожая было направлено 170 000 человек из жителей городов и поселков. В 1941 году Новосибирская область собрала на 1 млн пудов зерна больше, чем в 1940-м.

Сегодня, читая строки отчётов-донесений из тогдашней деревни, бывает даже трудно представить себе происходящее.

«В колхозе «Трудовик» [Здвинского района] на уборку ржи первыми вышли престарелые колхозницы. Убирая хлеб вручную, они показывали

образцы самоотверженного труда. 110-летняя Сташевская Агафья Степановна в первый день нажала 40 снопов, Усольцева – 56 снопов» [4, № 31, 24 июля 1942 года. Стр. 1]. «70-летняя Аграфена Васильевна Устьянцева одна выжала 18 соток. В колхозе им. Чкалова работает такое же звено. Пример здесь всем показывает 80-летняя Татьяна Устьянцева. Ежедневно жнецы выкашивают по гектару ржи» [6, № 146. 22 июля 1944 года. Стр. 1].

В колхозе «Оборона» Северного района «Тринадцать колхозниц (следует список) пятью боронами боронили на себе 12, 13 и 14 мая. Среди бороновавших 3 подростка и 5 красноармеек. Всего забороновано на людях 3,93 га» [7, Ф. П-4. Оп. 6. Д. 3. Л. 339-341].

Трактористка Валентина Карниловна Борисова из артели имени XVII партсъезда Убинского района, мать пятерых детей вспоминала, что особенно трудной была первая военная весна: «В колхозе нависла угроза срыва сева. В это время я была кормящей матерью. Вспомнила о фронте, о судьбе Родины и, отняв от груди двухмесячную дочь, пошла на трактор… и в ту весну вспахала и засеяла свыше 200 гектаров хлеба. Благодаря этому колхоз выполнил государственный план сева» [8].

И хотя газеты полны самыми бодрыми историями, живые воспоминания людей, которых гораздо меньше, значительно их поправляют, показывая реальность ситуации. Катастрофически не хватало сельскохозяйственного инвентаря, многие колхозники сами были разуты и раздеты, жили впроголодь. Стремясь выполнить повышенный план заготовки сельскохозяйственных продуктов, людям приходилось сознательно идти на ограничение личного потребления. Хлеба, выпекаемого в деревнях для внутреннего потребления не хватало, зачастую он распределялся среди колхозников с серьёзными нарушениями. Употребление мяса и сала снизилось на 87%, потребление яиц в 2,1 раза. «В абсолютном выражении в начале 1944 года крестьянская семья в среднем потребляла 1 яйцо на 15 человек в день» [2]. Многие пытались спастись картофелем (его потребление повысилось на 35%).

Надежда К.: «У нас и на фронт нечего взять было. Папа на войне, мама на работе, а мы трое маленьких. А мы что, дети, посадим? Картошку только, да и той мало. Сашка старший, ему десять было».

Екатерина Т.: «Картошку в поле запретили садить, так во дворе садили. Только копать, а уже полномочный – на фронт эвот эстолько свезите. И капусту, и морковку, вообще все. Дед увезет, а мы опять голодом сидим. В сорок третьем только стали в поле снова садить, легче стало» [14].

Весной 1942 года широкое развитие получило движение «Гектары обороны». Его инициатор, колхоз «Путь крестьянина» Чистоозерного района засеял 100 гектаров зерновых семенами, которые десятками пудов сдавали колхозники. Через газету «Правда» они обратились ко всем сельским труженикам страны с вызовом на социалистическое соревнование за высокий военный урожай: «Хлеб и мясо - это питание нашего защитника - бойца. Хлопок - это порох и одежда. Клещевина - смазочное для самолётов. Масличные культуры - это продовольственные и технические масла. Кок-сагыз - это резина» [5].

В июле 1942 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) был создан хлебный фонд Красной Армии. В колхозах организуется «Красный хлебный обоз». В виде тягловой силы широко использовался и личный крупный рогатый скот. Специальным Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1944 году» всячески поощрялось его использование: и начислением трудодней и дополнительным зерном [6, № 167. 20 августа 1944 года. Стр. 2].

Во «Фронтовой декадник хлебосдачи» в сельхозартели им. Андреева колхозница А. Полякова на своей корове вывезла на ссыпной пункт 460 пудов хлеба, и была занесена на Областную Доску почета [6, № 178. 09 сентября 1945 года. Стр. 1]. «Призыв коллектива артели им. Андреева о вывозке зерна на личных коровах колхозников подхвачен многими колхозами. Сейчас на

вывозке зерна используется больше 600 коров колхозников.» [6, № 171. 26 августа 1944 года. Стр. 2].

«Чтобы ускорить победу над врагом, помочь моим сыновьям на фронте, - говорит 90-летний колхозник тов. Белавин, - я буду на своей корове возить хлеб на заготовительный пункт. И, погрузив на тележку 19 пудов зерна, тов. Белавин повёз его на элеватор. Примеру патриота последовали и остальные колхозники. Таким образом был организован красный обоз, доставивший на заготпункт за один рейс более 600 пудов хлеба» [4, № 58, 10 декабря 1944. Стр. 2].

«Борясь за получение высокого урожая, по-стахановски трудятся на полях колхозники сельхозартели «XVIII партконференция». Юные пахари Люба Басалаева, Пётр и Егор Щербаковы вспахивают на коровах по 0,7-0,75 гектара при норме 0,4. В полтора раза перевыполняют нормы на пахоте Дуня Щербакова и Дуся Ложкова» [4, № 33, 30 июля 1944. Стр. 2].

Среди колхозников началось соревнование за проведение посевов табака в фонд Красной Армии. В 1943 году в Венгеровском районе по примеру Саратовской области развернулось массовое движение по сбору молока в фонд «Здоровья защитников Родины». Сузунские школьники инициировали сбор ягод и грибов, лекарственных растений.

На полях колхоза «Путь крестьянина» зародился ещё один почин - 80-й школы г. Новосибирска - отчислять в фонд Красной Армии 5 трудодней, из заработанных каждым учащимся на работе в колхозах.

Зося Станиславовна Полякова: «Один раз поставили нас, ребятишек, табак резать, ведь солдатам надо было что-то курить. В огромном сарае, на нарах — кучи зеленого табака. Показали нам, как его ножом резать, и мы взялись за дело. Все руки зеленые, запах! Ужас один. До обеда не доработали, все отравились — стало рвать зеленью. Взрослые испугались и начали отпаивать нас молоком. Кому-то попало за это дело. Пока «белые мухи» не полетели, пока последнюю картошку в колхозе не выкопали, домой нас не отпустили. Вернулись в город обмороженные, обовшивевшие, в коростах.

Сидели потом перед зеркалом и вытаскивали гниды. Что скрывать? Так было! Как иначе, если мыла в колхозе не было? Жгли костер и золой оттирали руки» [12].

Девушки, подростки и женщины вязали рукавицы, шили кисеты для солдат. Колхозы отчисляли трудодни, отправляли на фронт хлеб, мясо, молоко, яйца, мёд, картофель, капусту, лук, морковь. С осени по всей области начинали лепить для бойцов сибирские пельмени.

В 1943 году ситуация на селе резко ухудшилась. Посевы зерновых 1943-го по сравнению с 1941-м уменьшились на 30-35 %, их урожайность упала с 10,1 до 6,2 ц/га, на четверть сократились посевные площади яровых, на 233 800 голов снизилось поголовье крупного рогатого скота, были снижены удои. План заготовки товарного хлеба был выполнен лишь на половину, колхозы не обеспечили себя семенным фондом. Уменьшилась и выдача хлеба на трудодень. Колхозникам оставалось выживать в основном за счет доходов от личных подсобных хозяйств. Людей выкашивал голод…

Тем не менее, на VII сессии областного совета трудящихся председатель облисполкома И. Т. Гришин докладывает о неизменном росте посевных площадей: 1 966 тыс. га в 1940-м, 2017 тыс. га в 1941-м, 2219 тыс. га в 1942-м [11], а доктор исторических наук, профессор В. Т. Анисков утверждает, что в 1942-м хлеборобы Сибири дали четверть всего заготовленного в стране хлеба, а в целом за годы войны шестую его часть – 700 млн. пудов[1].

Наверное, не было в области ни одной семьи, так или и иначе не охваченной мобилизацией денежных средств в фонд обороны. Десятки миллионов рублей сдали жители районов нашей области. Это при том, что с началом войны доходы населения ощутимо понизились, появились новые обязательные налоговые сборы – например, на одиноких и бездетных граждан, военный (первоначально - надбавка к подоходному налогу), увеличились ставки сельскохозяйственного налога с личных приусадебных хозяйств, сильно

выросли цены на товары первой необходимости, да и обыденную логику припасов «на всякий случай» никто не отменял.

Но фраза «на нужды фронта» делала чудеса. В Кузнецовском сельсовете Баганского района в течение четырёх дней 1942 года подпиской на военный заём было охвачено 100 % работавших колхозников. Люди вызывали друг друга на соревнование по количеству покупаемых облигаций. Не всегда, конечно, сбор денег проходил добровольно, во многом он был обязательным.

Раиса Алексеевна Максимова: «Написали мы нашей тетке письмо, в котором сообщили о своей беде. Та продала лошадей и выслала нам две тысячи рублей, чтобы мы не голодали. Если бы мы могли знать, какую роль сыграют эти деньги! Нам еще не сообщили о переводе, а Тамару уже вызвали в райсовет и стали требовать, чтобы она подписалась на заем на четыре тысячи рублей. — Откуда такие деньги? — удивилась сестра. — А вам прислали две тысячи, вы напишите, и вам еще две пришлют! Сестра отказалась — ведь мы были голые и босые, без угла... Тогда ее заперли на ночь в холодную комнату. Она наревелась, намерзлась, а когда утром открыли двери, сказала: — Куда бы написать, что здесь так над людьми издеваются? Лучше бы она не говорила этого! Ночью ее арестовали, но сначала сделали обыск, сорвали с шеи золотые крестики — последнее наше богатство и память о папе. Осталась я в 11 лет без угла, без средств к существованию, одна-одинешенька» [10].

Общенародным стало и движение по сбору красноармейцам подарков и тёплых вещей. Особенно трепетно бойцы ждали весточки от своих близких.

Например, А. А. Ячменников из Искитима пишет домой: «мне надо сухари или что-нибудь настряпать, а еще я прошу меду или масло и еще перчатки и, еще, чтобы выслать подворотничок» [9].

«В селе Старо-Пестеревском колхозники начали сбор подарков бойцам Красной Армии. Каждый колхозный двор дает по килограмму масла, по 10 яиц. Будут собраны мясо и другие продукты. - Пусть едят на здоровье наши бойцы! - говорят колхозники» [6, № 158, 06 июля 1941 года. Стр. 3].

«Колхоз «Красный факел», Ново-Елизаровского сельсовета, приготовил к отправке большую посылку с жареным мясом. В Останинском сельсовете отправили уже одну посылку с табаком и посылку с жареными поросятами». «В ответ на боевые успехи наших славных воинов члены колхоза «Память Ленина», Б-Куликовского сельсовета, отвечают усилением помощи фронту, деятельно готовятся к военному севу. К Дню Красной Армии колхозники посылают на фронт бойцам 3 посылки с подарками, - жареных поросят, куриц и сибирские пельмени» [3].

И таких сообщений сотни.

Одной из мощных форм мобилизации средств населения стало движение по целевым вкладам в фонд Красной армии, сбор трудящимися средств на постройку различных видов боевой техники. Ещё осенью 1941-го предприятия области начали проводить трудовые вахты с перечислением заработной платы на именные танки, самолеты.

Из-за ограниченного формата я не смогу здесь привести многочисленные примеры этих пожертвований и их сумм. Я надеюсь вскоре опубликовать большую статью по этой теме. Отмечу лишь названия техники, подаренной Красной армии сельскими тружениками Новосибирской области.

Боевые эскадрильи и авиазвенья «За Родину», «Новосибирский комсомолец», «Искитимский школьник», «Мошковский школьник», «Молодой рабочий Сибири», «Новосибирский комсомолец», «За Родину», «Бердский мукомол», «им. XXV-летия «Советской Сибири», «Черепановский комсомолец», самолетов «Могочинский рабочий»; самолеты «Таёжник», «Колхозник Егошин», «Увальский совхозник», «Кыштовский колхозник», подводная лодка «Новосибирский комсомолец», танковые колонны «Имени 24-й годовщины РККА», «Новосибирский колхозник», «Народный учитель», танки «Таня», «Александр Невский», «Нарымчанин».

Нарым - страшное место ссылки, но и там люди собирали средства для покупки военной техники. И именно инициатива комсомольцев Нарымского

округа, входившего тогда в состав Новосибирской области, положила в сентябре 1941 года начало прошедшему все военные годы движению по сбору средств на постройку эскадрилий истребителей «Новосибирский комсомолец».

Помощь колхозам и колхозникам районов, освобожденных бойцами Красной Армии от оккупации, в частности Воронежской области, белорусским партизанам, осаждённому Ленинграду.

Сельские труженики нашей области (даже без учёта районов Кемеровской и Томской областей) поставили за годы войны государству 97 миллионов пудов хлеба, 10 миллионов пудов мяса, а также миллионы пудов рыбы, молока, масла, сала, шерсти.

Глядя на эти сводки и цифры, можно подумать о сытой благополучной Сибири, жителям которой достаточно просто и быстро можно было снаряжать помощь фронту и другим регионам страны.

Но уже в декабре 1941 года прокурор Новосибирской области докладывает о письмах колхозниц сельхозартели им. Чапаева Татарского района: «Колхозники голодные и холодные вынуждены есть павших лошадей и коров и скоро будем есть кошек и собак» [13, Д. 67. Л. 11-14].

В тех же массивах документов мы читаем: «- в колхозе «8 марта» Здвинского района колхозница М. Я. Янова, мать красноармейца, награжденного медалью «За отвагу», имеющая пятерых детей, выработавшая в 1942 г. 240 трудодней и получившая на них 34 кг зерновых отходов, всей семьей употребляет в пищу найденный в поле труп павшей коровы; - в колхозе «Путь социализма» Каргатского района семья красноармейца Горобца, состоящая из четырех человек, употребляла в пищу мясо павшего от сибирской язвы теленка и т.д. <…> Аналогичные факты имеют место в колхозах «Новый путь»... [13, Д. 164. Л. 95-96] и т.д. и т.д.

В марте 1942 год управление НКВД по Новосибирской области докладывает: «Большинство колхозников полученный из колхоза хлеб уже давно съели, и в данное время хлеба не имеют, питаются суррогатами. Колхоз

никакой помощи оказать не может ввиду отсутствия свободных запасов хлеба <…> Дети их имеют истощенный вид, ходят по селам и собирают куски» [7, Ф. Р-1020. Оп. 5а. Д. 30. Л. 138-139].

В апреле 1943-го НКВД докладывает об «употреблении в пищу мяса павших животных» и о «фактах смертности от истощения» в большинстве районов области. В записке отмечается, что зарегистрировано около 300 фактов «употребления в пищу трупного мяса», умерло от истощения 50 человек, и *«опухло от недоедания»* более 500 человек. «Приведенные данные являются далеко не полными и только частично характеризуют положение» [7, Ф. П-4. Оп. 34. Д. 171. Л. 293 – 311].

В апреле 1944 года уже Л. П. Берия докладывал куратору по сельскому хозяйству А. А. Андрееву, что опять же по сообщению УНКВД по Новосибирской области колхозники Здвинского района, главным образом семьи военнослужащих, «испытывают трудности с продовольствием»: «Проведенной проверкой 361 колхозной семьи по 16 сельсоветам района установлено, что большая часть семей, особенно дети, имеют безбелковые отеки на почве недоедания», что «имеются случаи смертности», что семьи военнослужащих употребляют в пищу мякину, ботву, древесные опилки, мясо павших животных [13, Д. 164. Л. 44].

Всё это – слагаемые цены Победы, доставшейся трудящимся Новосибирской области, да и всей страны огромными, неимоверными усилиями. Её жители отдали фронту всё, что могли, и даже больше. Несмотря на весь трагизм происходящего в тылу, нельзя недооценить трудовую доблесть новосибирцев в годы Великой Отечественной войны, их жертвенность, нелёгкую и бескорыстную помощь родной армии, которая дала возможность выжить многим её бойцам и, безусловно, приблизила День Победы.

Опубликовано Голодяев К.А. Жертвенный подвиг сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны // материалы Всероссийской научно-практической конференции

Список литературы:

1. Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока фронту. 1941-1945 гг.: деятельность партийных организаций по руководству сельским хозяйством в период Великой Отечественной войны. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1966. 370 с. Стр. 225, 362
2. Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: СО РАН, 1993. 246 с. Стр. 81
3. Газета «За большевистские колхозы» (Северный район). № 14. 20 февраля 1943 года. Стр. 2..
4. Газета «Коммуна» (Барабинский район)
5. Газета «Правда». № 150. 30 мая 1942 года. Стр. 1.
6. Газета «Советская Сибирь»
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)
8. Из истории рабочего класса и крестьянства СССР. / гл.р-р Ким М. И. М. :ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1959. 271 с. Стр. 260
9. Кунгурцева Н. Фронтовые письма жителей города Искитима и Искитимского района как исторический источник периода Великой Отечественной войны (1941 – 1945) // Новосибирская область. История и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию Новосибирской области. 27 апреля 2012 года. Ч. 2. Новосибирск, 2012. 308 с. С. 245-246.
10. Максимова Р. А. Землетрясение // Мой Новосибирск. Книга воспоминаний / Автор-составитель Т. Иванова. Н.: СО Детская литература, 1999. 368 с. Стр. 162
11. Новониколаевская губерния - Новосибирская область. 1921 - 2000: Хроника. Документы / отв. ред. И. С. Кузнецов. Новосибирск: Администрация Новосибирской области, 2001. 327 с. Стр. 147
12. Решке Т. Николаевские времена, годы репрессий, трудовые битвы на колхозных полях оживают в рассказах сибирячки-долгожительницы // Газета «Советская Сибирь». Электронный ресурс. URL:http://www.sovsibir.ru/news/167778 (дата обращения: 20.09.2020)
13. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 123. Цит. по: Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941-1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. - 502 с. Стр. 384-386
14. Тихонов С. С. Воспоминания детей о войне и глубина исторической памяти // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Институт истории СО РАН. Новосибирск: Изд-во «Параллель». 2020. 606 с. Стр. 57